

варь В. Н. Топорова станет, несомненно, одной из самых существенных этимологических работ в балтистике. В будущем ни одна сравнительно-историческая работа по индоевропеистике не сможет считаться законченной, если автор ее не обратится к рецензируемому словарю.

Шмальstieg У. Р.

Перевела с английского *Полинская М. С.*

ЛИТЕРАТУРА

1. *Mažiulis V.* Prūsų kalbos paminklai. Vilnius, 1966.
2. *Nesselmann G. H. F.* Die Sprache der alten Preussen an ihren Ueberresten erläutert. Berlin, 1845.
3. *Nesselmann G. H. F.* Thesaurus linguae prussicae. Berlin, 1873.
4. *Berneker E.* Die preussische Sprache. Texte, Grammatik, etymologisches Wörterbuch. Strassburg, 1896.
5. *Trautmann R.* Die altpreussischen Sprachdenkmäler. Göttingen, 1910.
6. *Endzelins J.* Senprāšu valoda, Rīga, 1943 (перепечатано: *Endzelins J.* Darbu izlase. V. IV. 2. Rīga, 1982).
7. *Mažiulis V.* Prūsų kalbos paminklai. II. Vilnius, 1981.
8. *Gerullis G.* Die altpreussischen Ortsnamen. Berlin-Leipzig, 1922.
9. *Trautmann R.* Die altpreussischen Personennamen. Göttingen, 1925.
10. *Schmalstieg W. R.* An Old Prussian grammar. The phonology and morphology of the three catechisms. University Park—London, 1974.
11. *Schmalstieg W. R.* Studies in Old Prussian. A critical review of the relevant literature since 1945. University Park—London, 1976.
12. *Schmalstieg W. R.* Old Prussian and Hittite orthographic variants: A parallel // *Ponto-Baltica*. 1981. V. 1.
13. *Schmalstieg W. R.* // General linguistics. 1982. V. 22. № 3. Rec.: *Mažiulis V.* Prūsų kalbos paminklai. II.
14. *Levin J. F.* Graphology and sound change in Old Prussian // Papers from the 5th International conference on historical linguistics / Ed. by Ahlqvist A. Amsterdam, 1982.
15. *Ozols A.* Veclatviešu rakstu valoda. Rīga, 1965.
16. *Sturtevant E. H.* A comparative grammar of the Hittite language. Revised edition. New Haven, London, 1951.
17. *Kiparsky V.* Altpreussische Miscellen // *Donum Balticum* / Ed. by Ruķe-Draviņa V. Stockholm, 1970.
18. *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. B. 1. Bern—München, 1959.
19. *Eckert R.* Die lexikalische Verknüpfung von russ. *dratъ*, *lomatsъ* «reissen, schinden» und *medvedъ* «Bär» und lett. *Lāčplēsis* // *Baltistica*. 1980. V. 16. № 2.
20. *Fraenkel E.* Litauisches etymologisches Wörterbuch. I—II. Heidelberg—Göttingen, 1962.
21. *Tischler J.* Hethitisches etymologisches Glossar. Innsbruck, 1977.
22. *Stang Chr.* Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen. Oslo—Bergen—Tromsø, 1966.
23. *Stang Chr.* Das slavische und baltische Verbum. Oslo, 1942.
24. Словарь современного русского литературного языка. Т. 6. М.—Л., 1957.
25. *Wright J.* The English dialect grammar. Oxford, 1905.
26. *Schmalstieg W. R.* Indo-European linguistics. A new synthesis. University Park—London, 1980.
27. *Schmalstieg W. R.* Baltic etymological dictionaries // *Das etymologische Wörterbuch: Fragen der Konzeption and Gestaltung* / Hrsg. von Bammesberger A. Regensburg, 1983.

Михальченко В. Ю. Проблемы функционирования и взаимодействия литовского и русского языков. Вильнюс: Мокдас, 1984. 224 с.

Рецензируемая книга заполняет ощутимый пробел в социолингвистической литературе. Изучение функционирования и взаимодействия языков в различных регионах СССР позволяет выяснить соответствие основных параметров языковой жизни тенденциям общественного развития. Уже появились работы, посвященные проблемам двуязычия и многоязычия, языковым процессам и общест-

венным функциям языков в Азербайджане, Узбекистане, Туркмении, Казахстане, Таджикистане и Молдавии. Что же касается языковой ситуации в республиках Прибалтики, то она до сих пор не подвергалась монографическому исследованию. Перед нами первый опыт в этой области. Отметим, что значение труда В. Ю. Михальченко выходит за рамки региональной социолингвистики, в нем

своеобразно интерпретируются и приобретают новое освещение фундаментальные проблемы социалингвистической науки.

Структура монографии оптимальна: первую главу автор посвящает литовскому языку — основному компоненту социально-коммуникативной системы Литовской ССР, вторую главу — взаимодействующим компонентам социально-коммуникативной системы (литовско-русскому двуязычию). Этим книга В. Ю. Михальченко выгодно отличается от большинства социалингвистических исследований, авторы которых вводят читателей в проблему национально-русского двуязычия, не осветив исторического развития национального языка, своеобразных традиций его функционирования в данном регионе. Изучение общественных функций литовского языка в диакронии позволило В. Ю. Михальченко глубоко и всесторонне осветить его роль в различных сферах использования в настоящее время.

Во введении автор затрагивает редко привлекающий внимание исследователей вопрос о том, что означает владеть (свободно владеть) языком. По его наблюдениям, «свободно владеть» языком в большинстве случаев воспринимается как «свободно, легко, без затруднений говорить, общаться», т. е. фактически свидетельствует о психологическом состоянии билингва, а не о результатах его речевой деятельности» (с. 24). В связи с этим автор рассматривает различные отношения к оценке «свободно», зависящие от возраста и образовательного статуса носителей языка.

Для получения объективных данных социалингвистического обследования необходимо, как отмечает автор, использовать различные приемы, которые дополняют и контролируют друг друга. Следуя этому принципу, В. Ю. Михальченко вносит определенный вклад в дальнейшее усовершенствование социалингвистических методов.

Автор производит деление сфер функционирования языков на две группы — аморфные и дифференцируемые — «в зависимости от наличия или отсутствия особых языковых образований, специфичных для сферы, характера использования речевых средств и социально-языковых результатов их развития» (с. 15). К аморфным средствам относятся торговля, транспорт, сельское хозяйство и др., к дифференцированным — наука, производство, художественная литература, массовая коммуникация, бытовое общение. Однако трудно согласиться с утверждением автора о том, что каждой сфере из числа «дифференцированных» обязательно должен соответствовать особый стиль и если массовая коммуникация,

например, не имеет «до сих пор» своего стиля, то она в недалеком будущем его приобретет (с. 19).

Для описания языковой жизни Литовской ССР используется введенный в свое время А. Д. Швейдером термин «социально-коммуникативная система» (далее — СКС). Надо отметить, что автору действительно удалось представить систему взаимодействия литовского языка с другими языками в дореволюционной и Советской Литве.

В 1-й главе В. Ю. Михальченко рассматривает развитие функциональных вариантов литовского литературного языка в связи с соответствующими сферами его функционирования.

Автор дает углубленный анализ функционирования литовского языка в различные исторические периоды (дописьменный, донациональный, национальный).

Литовский язык в своем историческом развитии прошел долгий путь, контактируя со славянскими языками — русским, украинским, белорусским, носители которых издавна проживали на территории современной Литвы, а также с немецким и польским (тесные связи с немецким и польским государствами способствовали распространению контактов с этими языками еще до XVI в.).

Литовско-славянское языковое взаимодействие привело, как указывает автор, к заимствованию русским языком литовских слов, обозначающих «реалии социальной и культурной жизни», а также реалии материальной культуры, специфические для литовского народа, например, *даржина*, *дякло*, *клуна*, *ном*, *пиркойта* и др. (с. 31).

Нельзя согласиться с балтийским происхождением восточнославянского *клуна* «помещение для молотбы и хранения хлеба в снопах и зерне; рига». Такова этимология М. Фасмера [1], возводившего *клуна* к лит. *klūonas* «ток; белпльня за сараем; навес», лит. *klūōns* «ток, гумно» и отвергавшего заимствование из польского (*klunia*, *klonia* «амбар из сосновых бревен, место для почлега»). Но М. Фасмер не принял во внимание общирность распространения этого слова (кроме украинского и белорусского, в центральных русских говорах, на Дону и на Кубани, на Урале и в Сибири до Амура; см. [2]), а также наличие фонетических вариантов *клунь* и *клунья* с тем же значением. Это позволяет связать *клуна* с праславянским **klon'a* (производным от глагола **kloniti*; см. [3]) и считать его исконно славянским образованием.

Реформы, узаконившие язык господствующей верхушки, неизбежно вели к изменению роли языков в общественной и культурной жизни Литвы, в этом ярко обнаруживалась социальная обусловлен-

ность развития литовского языка» (с. 33).

Сложная языковая ситуация сохранялась длительное время. Рост национального самосознания литовского народа способствовал развитию литовского литературного языка, расширению сфер его использования и функционально-стилистической дифференциации.

Прогрессивные ученые дореволюционной России выступали против запрета печатания книг на литовском языке. Вспомним о выдающемся русском лингвисте акад. Ф. Ф. Фортунатове, который был наиболее авторитетным литuanистом начала XX в. и непримиримым противником практиковавшегося русским царизмом подавления национального достоинства литовцев. Неоднократно выступления Ф. Ф. Фортунатова против ограничений в праве преподавания литовского языка и запрещения латинско-литовского шрифта, как и вся его деятельность в защиту литовской культуры, списали ему горячую благодарность передовой литовской интеллигенции (см. [4]).

Утверждение литовского языка в качестве государственного в буржуазной Литве (1919 г.) явилось толчком к развитию социальных функций литовского литературного языка во всех сферах общественной жизни. Однако этот период характеризуется резким сужением функций языков национальных меньшинств, чаще — запретом их преподавания в школе, «что порождало отсутствие гармонии между исторически сложившимися этническими условиями и СКС, усугубляло национальную рознь, делало СКС неадекватной нуждам развития народов, населяющих Литву» (с. 38—39).

В настоящее время из 22 сфер, выделяемых исследователями, литовский язык применяется в 20. Расширение общественных функций языка способствовало интенсификации формирования его норм — фонетических и морфологических, лексических и синтаксических.

Большим достижением развития литовского литературного языка в советский период явилось упрочение и обогащение функциональных стилей. В работе все стороны освещаются научный, публицистический, научно-учебный и другие стили литовского языка.

Во 2-й главе освещается ряд важных проблем функционального и языкового взаимодействия компонентов социально-коммуникативной системы. Автор устанавливает зависимость «подъемов» к «спадам» использования русского и литовского языков в досоветской Литве от языковой политики государства. Так, русский язык широко использовался в период запрета печати на литовском языке (1863—1904 гг.) и наоборот — литовский язык вытеснил все другие языки в бур-

жуазной Литве. «На фоне этих крайностей — языкового шовинизма и национализма, — пишет В. Ю. Михальченко, — наиболее ярко и выпукло видны достижения реализации принципов ленинской национально-языковой политики, нашедшей такое решение проблем языковой жизни многонационального государства, при котором диалектически сочетаются общее и частное, национальное и интернациональное, причем общее и интернациональное обеспечивается применением в разных сферах языка межнационального общения, а частное, национальное — использованием литовского языка в разных сферах общественной и культурной жизни литовского народа» (с. 107). Результатом ленинской национальной политики явилось распространение двуязычия, которое возникло в связи с необходимостью общения людей разных национальностей в трудовой и культурной деятельности. Этнические условия в республике также способствуют активному развитию двуязычия, в котором видное место отводится русскому языку — средству межнационального общения.

Второй параграф главы посвящен лингвистической характеристике взаимодействующих компонентов СКС. Сравнительный анализ структур литовского и русского языков позволяет автору судить о потенциальной интерференции родного языка в русской речи литовцев на всех уровнях. Таким образом достигается максимальное упорядочение данных произведенного В. Ю. Михальченко анализа фактической интерференции: выявляются случаи, не предсказанные в поле потенциальной интерференции, а предсказанные ошибки дифференцируются с целью определения различных ступеней литовско-русского двуязычия. При этом автор исследует (что крайне редко практикуется в трудах по социолингвистике) соответствие фактического знания русского языка запланированному школьной программой уровнем знаний и определяет трудности освоения русского языка литовцами разных возрастных групп. Проработав эту работу, В. Ю. Михальченко внесла ценный вклад в оптимизацию преподавания русского языка литовцам.

Подробный лингвистический анализ ступеней двуязычия дополняется социальными характеристиками функций каждого языка. Комплексный подход позволил автору глубоко и всесторонне изучить социолингвистическую проблему языкового взаимодействия.

Материал был собран методом эмпирического обследования с привлечением документальных источников — данных переписей населения об уровне владения русским языком в республике, о социальной структуре населения в районах об-

следования и т. п. Основным источником информации явился опросный лист (с. 139), включающий 25 вопросов. Ответы (открытые и закрытые) представляют полную демографическую характеристику информантов и позволяют установить, какой язык псользуют билингвы в различных сферах деятельности: на производстве, в семейном общении, в беседах с друзьями и соседями, читая книги и журналы, слушая радио, просматривая кинофильмы и телепередачи, ведя официальную и неофициальную переписку и т. д. В этом перечне отсутствует почему-то чтение газет. А ведь, исходя из того, что в обследованном Зарасайском районе большим тиражом на русском языке выходит местная газета (с. 147), следует предположить, что ее читает немалое число литовцев-билингвов. В опросном листе имеются вопросы о формах и степени владения вторым языком («говорит, читает, пишет: свободно, с затруднениями»), хотя возможны ответы «не читает» и «не пишет», не предусмотренные опросным листом.

Располагая обширным социолингвистическим материалом, автор, к сожалению, рассматривает варьирование социально-коммуникативных ситуаций лишь в зависимости от двух параметров — территориального и возрастного. Однако немаловажную, нередко даже доминирующую роль в распространении национально-русского двуязычия играет образовательный статус. Анализ влияния образовательного уровня литовцев на распространение литовско-русского двуязычия позволил бы исследовать процесс формирования билингвизма в различных социально-профессиональных слоях населения.

Кроме указанных выше, отметим еще некоторые недочеты актуального и в целом тщательно выполненного исследования В. Ю. Михальченко.

1. Общность балтийских и славянских языков в области фонетики, грамматики и лексики (насчитывается около 200 слов, свойственных исключительно им) возникла не просто «в силу тесных торговых и культурных сношений» (с. 109); она объясняется либо генетически (если следовать весьма распространенной гипотезе балто-славянского единства), либо (согласно вполне вероятной ареальной гипотезе) тысячелетним контактом между славянскими и балтийскими племенами, приведшим к образованию славяно-балтийского языкового союза.

2. Произвольного употребления того или иного языка, немотивированного перехода от одного языка к другому даже при «стихийном билингвизме» (с. 153) не бывает. Варьирование языка, начиная

с кодового переключения и кончая отдельными ипозычными вкраплениями всегда осознанно используется говорящим для достижения наибольшего коммуникативного эффекта. Об этом свидетельствуют многочисленные исследования как советских, так и зарубежных социолингвистов и психолингвистов.

3. Кальки с русского, о которых идет речь на с. 207 (*iprasti prie — priprasti prie* — «привыкнуть к чему-л.»; *ilgai prieš — gerokai prieš* — «задолго до чего-л.» и др.), отнюдь не синтаксические, как утверждает автор, а фразеологические.

4. В некоторых количественных показателях наблюдается разнобой, который объясняется обращением к разным источникам.

Вызывает недоумение неточность возрастностной градации билингвов по ступеням двуязычия: 1 ступень (с. 160) — возраст 7—10 лет, 2 ступень (с. 170) — возраст 9—12 лет, 3 ступень (с. 178) — возраст 15—18 лет, 4 ступень (с. 186) — возраст 18—23 лет. Выходит, что девятилетние и десятилетние, а также восемнадцатилетние попали в две возрастные группы, тринадцатилетние же и четырнадцатилетние никуда не попали.

5. Работе ощутимо недостает социолингвистической карты. Обширный материал, собранный и обработанный автором, можно было бы представить визуально — как наглядную языковую картину различных районов Литовской ССР.

Наши замечания не умаляют достоинств содержательного труда, в котором ставится и решается ряд важных проблем социальной лингвистики. Разработанные В. Ю. Михальченко методы и приемы могут быть с успехом использованы для изучения языковой ситуации в других республиках. Результаты исследования послужат прочным основанием для языкового планирования в Литовской ССР и для оптимизации преподавания русского языка.

Копыленко М. М., Саина С. Т.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. II. М., 1986. С. 255.
2. Словарь русских народных говоров. Вып. 13. Л., 1977. С. 313.
3. Этимологический словарь славянских языков. Вып. 10. М., 1983. С. 66—68.
4. Березин Ф. М. Русское языкознание конца XIX — начала XX вв. М., 1976. С. 76—77.